

ЗАБРОШЕННЫЙ ЗАВОД

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ОХОТУ



ХЬЮГО БОРХ

Хьюго Борх

**Заброшенный завод.
Добро пожаловать на охоту**

«Автор»

2026

Борх Х.

Заброшенный завод. Добро пожаловать на охоту / Х. Борх —
«Автор», 2026

Это напряженный психологический триллер о грани между реальностью и безумием, предательством и жадой жизни, способной вытащить человека из нутра бездны. Студентка Катерина волею судеб оказывается запертой на заброшенном заводе. Восемь цехов – восемь кругов ада, где за теньями холодного металла ее поджидают живые хищники в масках «рабочих». Охота началась. Цех за цехом смерть подбирается ближе. Единственный шанс на спасение – пройти через ад. Книга содержит сцены насилия и психологического давления. Рекомендуется взрослой аудитории.

© Борх Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Завод	7
Цех № 1: Приемный	7
Цех № 2: Штамповочный	10
Цех № 3: Гальванический	12
Цех № 4: Сварочный	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Хьюго Борх

Заброшенный завод.

Добро пожаловать на охоту

Пролог

Она узнала дату случайно. Увидела сообщение на телефоне Макса, когда в студенческом кафе он отошёл за кофе.

Сообщение выглядело странным: кто-то в грубой манере давал Максиму указания, но главное, там промелькнуло название предприятия «Прогресс-2». Катерина знала, что объект давно закрыт, но разные слухи вызвали жгучее желание туда попасть. Никто не сомневался, что именно Макс и его закадычный друг Александр там уже побывали. Но тему эту не любили обсуждать, смущались, сворачивали разговор, переносили дату нового похода, ссылались на занятость. Объяснение такому поведению было. У ходоков по «заброшкам» принято скрывать информацию о походах и маршрутах.

Катя им доверяла. Тем более за спиной костры с котлами для чая, палаточные походы, песни под гитару – всё в духе студентов педагогического университета. В лесу побывала уже половину курса. Но почему друзья не звали на завод, у них надо было спросить. Странно, знали ведь, что Катерина упряма, и не отстанет. В её мире не было слова «нельзя».

Она должна была туда попасть. Пусть другие видят опасность, – она видит вызов.

Плавание, фитнес, танцы – её тело было достаточно натренировано и тренажёр был внутри, – это страх, который она превращала в топливо. «Заброшки» манили её не романтикой разрухи, ей грустно было наблюдать их увядание, и потому опустевшие дома привлекали её молчанием, которого она не находила в шумной студенческой жизни. Ей так хотелось изучать закрытые объекты – туда, где время однажды остановилось, а стены верно хранят старые тайны, пусть у всех это вызывает насмешки.

Вообще друзья считали её безбашенной. Ошибались! Она не была безрассудной. Она была голодной – до острых ощущений, до границ, до того момента, когда реальность уже не предсказуема.

И завод ждал её. Она только не знала, что он для неё приготовил.

Катерина не говорила друзьям главного. О своей тайной страсти к приключениям, тогда еще с детства, когда бабушка и мама рассказывали истории о волшебной девочке.

Ее тянуло в тихие забытые Богом места, – она называла их «молчащие места», – туда, где эхо её собственного внутреннего шума затихало. В детстве врачи ставили ей диагноз «гиперактивность», но мама знала другое: Катя умела слушать мир.

Если чужие голоса въедались в ее сознание, как зазубрины в металл, то голоса близких людей всегда оставались с ней, а главное, помогали в трудную минуту.

Что она слышала в пустых зданиях, где время остановилось? Она там впервые ощутила ту тишину, которая не требовала ответа. Ее тянуло изучить этот завод. – застывшее пространство прошлой жизни. Сколько судеб людей было связано с этим заводом. Что сохранило в память о них то предприятие? Примерно, она знала, что там увидит. Но она не знала, что в мертвых местах иногда прячутся те, кто устал от живых.

Хотя чего бояться, когда рядом надежные друзья? Макс, чего уж тут скрывать, давно влюблен в Катю, вот и не хотел, чтобы она рисковала на опасном промышленном объекте. Участник автомобильных гонок «местного разлива», он оберегал Катю от всяких авантур. А

вот Саше было все равно. Ухмылялся и при всяком удобном случае напевал строчку из песни «Выходила на берег Катюша».

Заброшенный завод «Прогресс–2», ребята! Да. Тот, секретный, что был запущен в сталинские времена, в 20 км от Омска. Он давно закрыт. Никто не знает, как в него попасть. Все заколочено наглухо, но ребята однажды проговорились, что проникли туда. И прошли восемь цехов. Говорят, там все сохранилось с тех советских времен.

Узнав о плане Макса, Катерина настояла на своем участии.

Доехали на электричке, прошли заросшей тропой, пролезли в дыру в заборе – ржавчина оставила на красной куртке Кати свой след, похожий на засохшую кровь (она почему-то отметила это как дурную примету), обошли ржавые рельсы и перила и по разрушенной лестнице спустились в подвал, где кирпич сыпался, а стены опасно нависали, зияя трещинами шириной не меньше сантиметра – в них можно было просунуть пальцы, и оттуда тянуло холодом, словно из могильного склепа. Ребята много шутили, пугая свою спутницу. Ей даже показалось, что шуток было чересчур, – их смех был натужным, как у актеров перед выходом на сцену. Они встали перед бронированной дверью, по центру которой был штурвал, как на корабле. Саша объяснил, что бункерная дверь закрыта на шпингалеты – это массивные стальные ригели (брусья), которые входят в пазы в дверной коробке. Как по вертикали, так и с каждой стороны. Это предотвращает перекос двери и выдавливание любого из углов. Ребята все изучили и на пару взялись крутить массивный штурвал. Механизм устроен так, что поворот штурвала через систему шестерён или тяг одновременно приводит в движение все шпингалеты. Тяжелый лязг металла, эхом разнесшийся по подвалу, заставил Катю поежиться – звук был слишком громким для тихого места, словно сама дверь предупреждала: «Не входи».

Когда дверь приоткрылась, – пахло запахами мазута, сырой штукатурки и еще чем-то сладковато-приторным, что Катя не решилась идентифицировать.

Она шагнула первой. И в этот момент Макс крикнул ей, что сверху кто-то стоит, их выследили, – сейчас договорятся, а дверь пока прикроют, чтобы охранник не увидел, что они вскрыли бронированную дверь.

Катерина не успела опомниться, как дверь за ней закрылась, а следом снаружи раздался грохот, – такой, будто рухнул весь мир. Это было похоже на обвал стен. Она машинально потянула дверь за ручку, – ничего не получилось, она поняла, что дверь заблокирована.

Крики, крики, крики о помощи! А толку? Ребята не отзывались, – они могли оказаться под завалом и им нужна была помощь – она снова звала их, сначала осторожно, потом все громче, пока не дошла до истеричного крика – не веря, что слышит свой, слетевший с катушек, сорванный голос.

Полная тишина. А если наверху появился охранник, то непонятно было, почему он молчит.

Часть первая. Завод

Цех № 1: Приемный

Первоначальный шок прошел, и Катерина глубоко втянула носом воздух, сырой, тяжелый, с парами плесени – такой возникает в заброшенных подвалах и в склепах.

Она припомнила, что не было криков, воплей, стонов и всего того, что сопровождает обвал стен, когда там оказались люди. С чего она взяла, что ребята погибли? Вовсе нет. Они успели выйти – охранник их увел, вот и все. Они не слышали грохот обвала, они не знают, что случилось. Катерина цеплялась за эту мысль, как утопающий за соломинку, не позволяя себе допустить страшную мысль: что ее просто обманули, завели и бросили. Она вытащила телефон, но связи из этого бункера не было. Стационарный черный телефон, стоящий на столе у входа, молчал – на нем не было пыли, провод был подсоединен к гнезду, но телефон молчал, – зато трубка была теплой, словно кто-то держал ее за минуту до этого. Тишина, окружившая Катю, поначалу звенящая, теперь стала глухой, плотной и давящей на виски, на уши, как толща воды на глубине.

Катерина явственно ощутила, что она одна, совершенно одна оказалась за этими глухими стенами. Мысль о том, что ребята могли погибнуть под завалами, допускать нельзя. Надо взять себя в руки, и набраться терпения – но внутри уже зарождался холодный, липкий страх, тот, что не проходит, а только растет в геометрической прогрессии.

Закоптившиеся лампочки электрического света внушали желание их проверить. Но свет не включался, а высоченные стены уходили в темноту, где время черными красками сделало свой жуткий дизайн в помещениях завода – стены покрывала чернота, похожая на застывшие следы пожарищ, а в углах выделялись пятна, которые могли быть чем угодно. На стенах, почти под самым потолком роль окон играли щели со стеклами, напоминающими линзы, и пропускающими рассеянный свет.

Можно было через дверной проход попасть в другие помещения, по крайней мере дверь в следующую комнату была приоткрыта. Но стояла мрачная картина, и идти в полутьму было страшно – темнота казалась живой, затаившейся как хищник; темнота пульсировала и шевелилась.

Что могло быть в помещении, где над бронированной дверью висела табличка «Цех № 1: Приемный»? Стол со стульями, стопки казенных бумаг, монеты советского времени, ржавые канцелярские принадлежности, пустая консервная банка «Килька в томатном соусе» – на дне банки темнела засохшая жижа, напоминающая сгустки крови. Из проема передней стены конвейерная лента выходила и упиралась в проем стены противоположной. Проем был завален разным хламом, а лента заставлена ведрами с номерами и металлическими отходами, рассыпавшимися от ржавчины. В углу уснула метла, ее приватизировал паук, рядом задремала старая тачка с одним колесом, которую толкали перед собой, упершись в два «держака». На дне тачки лежала пустая банка из-под Жигулевского пива. Скорее всего охранники сюда заглядывали. Значит, помогут выйти. Она снова обманывала себя, потому что банка была слишком старой, а пиво выпили явно не вчера.

Она попыталась реанимировать телефон – пошевелила провода – раздался треск и воцарилось молчание – будто аппарат издал последний звук, похожий на предсмертный вскрик. Рядом с телефоном, на столе у проходной, под вековой пылью лежала раскрытая учетная книга с пожелтевшими страницами. Чернильная запись «Смена № 1187 закрыта» расплылась, как пятно крови, но была еще читабельна – и Кате показалось, что чернила на буквах не высохли

до конца, а влажные, будто их написали минуту назад. Катерина потерла руки. Пальцы были ледяными. От страха?

Легкая дрожь, учащенное сердцебиение – от этого нельзя было избавиться в первые минуты после этой катастрофы – ее сердце стучало так громко, что, казалось, его слышно во всех цехах.

Но один положительный момент она нашла – воздух откуда-то просачивался, значит, была вентиляция – она прильнула к стене, пытаясь найти источник сквозняка, и нащупала едва заметное дуновение, пахнущее озоном.

Она еще раз подошла к бронированной двери, покричала погромче – там была мертвая тишина – тишина, которая давила на уши, заставляя слышать собственный пульс, собственное дыхание, собственный страх... Катерина помотала головой, ее психологическое состояние было таково, что разум отказывался верить в реальность происходящего. Она попыталась найти логичное объяснение. Все же четко понимала: обвалилась одна из стен, разгрести которую дело двух-трех часов. Ребята успели крикнуть: «Охранник!». Значит, объект охраняется и к работам спасатели приступят немедленно. Живы ли друзья? Почему они не откликаются?

Ребят спасут и Катерину спросят, как она тут очутилась. Что она скажет суровым мужикам, которые проберутся через завалы?

Спросят и это будет самый сложный вопрос. Что она скажет этим людям, которые вряд ли отличаются большим интеллектом, но могут отличаться большой агрессивностью, и вряд ли захотят войти в ее положение? Если отведут в полицейский участок – это будет равнозначно отчислению из пединститута, куда Катерина поступила «на бюджет», на филфак. Попробовать самостоятельно выбраться самой – вот смелое, но верное решение. За спиной рюкзак, где есть вода и еда. Хотя прежде надо сходить в туалет. Но не здесь же – зайдут охранники, а тут Каткина лужа посреди Приемного цеха. И прикусив губу, она посмотрела в дверной проем. И даже поднялась с лавки.

Еще ничего здесь, в комнате не случилось, но ее бросило в пот, учащённо забилося сердце и даже сдавило в груди. Она уже просто с мольбой смотрела на эти замутненные стекла под потолком, на слабый дневной свет, – каким же он показался недостижимым, как небо для узника подземелья.

Дура, дура, дура. Как корила она себя за то, что уломала ребят войти в эти «катакомбы». Она приказала себе не впадать в панику. Она назвала себя «умницей». Она заставила себя подумать о чем-то хорошем, что греет ее душу.

«Все на свете просто.

Вот прибежала туча, и закапал дождь.

Вот намокла земля, и появился цветок.

На цветок упал луч солнца, и прилетели бабочка и показался шмель.

А потом пришел вечер, и цветок перед ночью закрылся, чтобы раскрыться с новыми силами на заре.

Бабушка говорит, что все на свете просто».

Она повторяла эти слова как мантру, вдавливая их в сознание, чтобы не дать страху сломать себя.

Она пошла разгрести завал в проеме, куда доставала конвейерная лента... Сбежавшая крыса, пыль, тряпье с тараканами, кожухи и перекореженные короба ее остановили – крыса взглянула на нее черными бусинками глаз и метнулась в темноту, будто знала, что Кате туда не стоит соваться.

Дверной проем в другой цех. Дверь приоткрыта, но идти туда надо. За 39 минут с начала плена к завалам снаружи так никто и не пришел – 39 минут, которые Катя считала по секундам, как приговор, пробежали быстро, по-спринтерски. На секунду Катерина забылась и увидела себя стоящей перед заваленной дверью, будто ее вызвали на допрос, – нет! К черту панику.

Катерина подошла к двери во вторую комнату, приоткрыла ее, уперлась правой рукой в косяк, и заглянула...

Цех № 2: Штамповочный

Второе помещение впечатляло громадностью, но еще и «угрюмостью», если можно так сказать. Во-первых, оно было темнее первого, во-вторых, больше первого раз в десять. В-третьих, гигантские штамповочные прессы пребывали в немом крике, их мощные мускулы навечно замерли в сантиметрах от поверхностей, к которым когда-то прикасались, – эти прессы были похожи на чудовищных насекомых, изготовившихся к прыжку. На одном из них застыла искореженная металлическая заготовка, будто ее поймали в момент агонии, и будто витки металлической стружки не разбежались, а охраняли эту последнюю в истории завода заготовку...

Все, кто проникал сюда, наверняка прижимались к стене и проходили на цыпочках, дабы не потревожить «сон железной заготовки». Поэтому бетонные стены были затерты, как от наждачной бумаги, а еще частично были обуглены, как от давнего пожара – на них все еще можно было разглядеть силуэты, похожие на человеческие. По стене из первой комнаты шел конвейер. Лента была также завалена металлическим мусором и кусками искореженного металла.

В такой момент приходит страх, острый, парализующий страх надвигающейся угрозы, и он пришел, а еще возникло новое безотчетное чувство ловушки, чувство, что из этого жуткого места никогда не выйдешь – это было не просто предчувствие, это была уверенность, которая прорастала в душе, нежеланным черным цветком. Воображение рисовало гильотины, на которых здесь могли казнить людей – такое впечатление производили застывшие прессы. Ну точно гильотины, готовые обрушиться в любой момент. За этими тоннами массивного железа Катерине стало физически тесно, она обошла цех, и везде наткнулась на ржавые ведра с железками, кучи истлевшей ветоши и пластиковые канистры с машинными маслами. Мочевой пузырь уже готов был лопнуть, искать туалет за боковыми дверьми было боязно – неизвестно, какие там сюрпризы в кавычках. Она огляделась и стянула трико. Ведра здесь стояли не зря. С их помощью можно хотя бы решать проблему физиологических потребностей. Она сделала это быстро, дрожащими руками, постоянно оглядываясь на темные углы, откуда, как ей казалось, за ней наблюдали. Она встала, выпрямилась, вздохнула – и уже стало намного легче – она уперлась плечом в высокую конструкцию из несущих и кровельных стальных полос, соединённых между собой в определённой конфигурации. Глаза уже привыкли к полутьме. Захотелось застыть в этой позе.

«А за калиткой ждал курчавый лес – дубки-сорванцы, выстроившиеся, как задиристые мальчишки, и шепчущие с ветром о чём-то своём. И вот я скинула куртку на шершавый забор, лихо закатав доверху потертые шорты и не думая о крапивных уколах – стремглав летела сквозь зелень, навстречу смородиновой прохладе, что таилась меж стволов, пахших смолой». Эти воспоминания были как спасательный круг – она цеплялась за них, чтобы не сойти с ума.

Куда дальше? Дальше надо внимательнее искать любые двери и не бояться их изучать. Ни в коем случае нельзя оставлять борьбу за выживание и поиск выхода. Катерина уже не просто осматривалась, она искала возможные люки в полу или на потолке, двигалась быстро и тихо, как мышь между лапами спящего кота – она старалась ступать бесшумно, но шаги сопровождались чётким, иногда резким хрустом мелких камней. «Немедленный поиск выхода любым путем», – решила она. Но три прохода к дверям в следующий цех оказались за железными перегородками. Нужно было взбираться по стенкам конструкций, держась за вертикальные прутья, пролазить между ними, проходить на по верхним площадкам и открывать двери.

Когда она забралась на первую площадку, в другом цеху что-то прогремело – звук был металлическим, тяжелым, словно кто-то уронил инструмент, и он покатился по бетонному полу, она удержалась, прыгнула на пол и на коленях заползла за ближайшее укрытие. Может,

отворили входную дверь? Она вернулась на место своего старта. Но в Цехе № 1 стояла мертвая тишина. Катерина даже не стала снова стучать и звать на помощь. Тишина поглощала всякие желания кого-то звать...

Нет, что напрасно тратит силы на беготню взад-вперед, напрасно прячется, – она снова залезла по решетке на площадку – но дверь в Цех № 3 была заперта намертво – замок был новым, блестящим, словно его поставили вчера.

Следующая попытка со второй дверью в Цех № 3 оказалась столь же безуспешной. Ребята говорили, здесь восемь цехов. Должны быть проходы. Оставалась третья дверь, к которой надо еще пробираться между вертикальных прутьев на площадке. Только бы она открылась. Вдруг там выход из этого ада? И дверь открылась...

Цех № 3: Гальванический

Здесь пахло кислотой и тлением. Мотки шлангов разного диаметра и длины, источали запах истлевшей резины. Длинные, изъеденные ржавчиной, ванны, где когда-то травили металл, еще сохраняли небольшой уровень черной, вязкой жижи – жижка пузырилась и издавала едва слышное шипение, словно в ней еще продолжалась химическая реакция. Даже стены, а заодно и надпись с названием цеха были обрызганы ржавой водой.

– Жидкость не высохла, значит налили ее совсем недавно. Но для чего? Возможно, здесь велись работы.

По стене откуда-то с верхнего этажа сползала вода, попадала на крюки, по ним стекала в противогазы, и из ржавых противогазов медленно сочилась ржавая вода – эти противогазы на стене походили на отрубленные головы, с которых капала сукровица. Вдобавок ко всему под стеной стояли резиновые сапоги 45-го размера, с небольшим слоем пыли, даже с паутиной. Картина, кроме отвращения и брезгливости ничего другого не вызвала. Катерина услышала тихий нудный голос, будто кто-то назидательно повторяет предостережения по технике безопасности – знала, у воды есть такой эффект – подражать голосу человека – но голос был слишком отчетливым, слишком интонационно правильным, чтобы быть просто игрой воды.

В этот раз Катерине казалось, что кожа покрывается липкой плёнкой, а воздух отравлен испарениями – каждый вдох отдавался металлическим привкусом во рту, и этот привкус напоминал кровь. Она стала растирать ладони, пока они не нагрелись. Плачущий противогаз будто забирал последние силы, будто символизировал бесполезность любых усилий. Голос воды сбивает с толку, это атака на последнее пристанище – разум. «Это вода или мне кажется?» – спросила себя Катерина, – она опасалась, что понемногу начинает сходить с ума – ее мысли становились рваными, как старая ткань, а страх теперь имел свой собственный, липкий, металлический вкус. Она поспешила прочь, исследуя куртку на предмет поиска грязи. И в этот момент вдруг поняла, что начинает сдаваться, что вместо поиска выхода есть только импульсивное бегство от источника психологического давления, что ищет не выход, а просто идет по дистанции неизвестно куда.

Она вдруг ни с того ни с сего решила сделать для себя «мейкап» – ей захотелось немного «подрисоваться», немного, совсем чуть-чуть поднять настроение в такой нелепой ситуации. Она уселась прямо на пол, раскрыла рюкзак, достала тинт, тональник, тушь и карандаш для бровей. «Ща быстренько соберу лицо: нанесу базу, подрисую брови и губы, и хайлайт обеспечен. И все! Нет, не все, – я найду эту чертову дверь». Это был момент безумной рациональности – попытка сохранить человеческое лицо в самом убогом месте.

На выходе из цеха, слева она увидела дверь, без ручки, с шестизначным номером, написанным красной краской. Дверь была обита цинком, который покрылся белый налётом – она помнила его по цинковым листам, которые стоят за сараем в деревне стариков. Отец этот рыхлый налёт в виде белёсых пятен из-за коррозии цинкового слоя, называл «белая ржавчина». Прислушалась к звукам за дверью. Там как будто на бетонный пол капала вода – капли падали с ритмичностью метронома, отсчитывающего последние минуты. Катерина осторожно нажала на нее – как и ожидалось, дверь была заперта. Она попыталась навалиться на нее плечом, но это тоже было бесполезное занятие – дверь была неподвижна.

Цех № 4: Сварочный

Скелеты сварочных аппаратов, опутанные змеями проводов, лежали на тележках. На крюках по стенам вместе с черными халатами висели маски с затемненными стеклами – их пустые глазницы смотрели в никуда, но Кате казалось, что они следят за каждым ее движением. Пауки не теряли времени даром и обтянули это все тончайшими черными нитями – паутина висела повсюду, липкая и холодная, касаясь лица, как чужие пальцы. На стене кто-то углем написал какую-то нумерацию, будто у него не было под рукой бумаги – цифры складывались в дату, и это была сегодняшняя дата. Воздух был наполнен едва уловимым запахом озона и паленой плоти.

– Стоп! – скомандовала себе Катерина. – Какой в жопу плоти? Что я несу?

И она начала усиленно растирать виски, бить себя ладонями по щекам.

После крика ей стало как-то тревожно. Почему она вдруг подумала, что здесь кого-то пытали, надев эти жуткие маски для сварки? Она заставила себя прикоснуться к одной из масок – поверхность оказалась липкой и холодной, как кожа мертвеца. Глядя на маски, она обзывала себя дурой, ввязавшейся в этот «кринж». Сколько раз она уже успела себя обвинить и оправдать за эти первые часы заточения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.